

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СКАНДИНАВСКИХ ПИСЬМЕННЫХ
ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ
ДРУЖИННОЙ ВЕРНОСТИ**

*Работа представлена кафедрой отечественной истории и документоведения
Курганского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. В. Менициков

Статья содержит анализ древнескандинавских текстов и их сопоставление с древнерусскими по вопросам феномена средневековой дружинной верности и чести. Выделяются основные компоненты данного явления, такие как «братство по оружию», клятва верности и феномен дара.

***Ключевые слова:** скандинавские и древнерусские средневековые источники, «братство по оружию», феномен дара, клятва верности.*

PERSPECTIVES OF USING SCANDINAVIAN WRITTEN SOURCES FOR STUDYING THE CATEGORIES OF MEDIEVAL RUSSIAN RETINUE LOYALTY

The article contains the analysis of medieval Scandinavian texts and their comparison with the ancient Russian ones on the questions of medieval retinue loyalty and honour. The author distinguishes the main components of this phenomenon, such as “brotherhood in arms”, a loyalty oath and a phenomenon of gift.

Key words: *Scandinavian and Russian medieval sources, “brotherhood in arms”, phenomenon of gift, loyalty oath.*

Вопросы, связанные с дружинной организацией, никогда не теряли своей актуальности. Во-многом это связано с тем, что, помимо выполнения ряда важных военных и социально-политических функций, древнерусская дружина представляет огромный интерес как социокультурный организм. В качестве одной из его основополагающих черт можно выделить специфические категории верности, связывающие дружинников между собой.

Основная проблема, с которой сталкиваются исследователи, занимаясь изучением истории Древней Руси, – это острый дефицит источников, наибольший интерес среди которых при рассмотрении вопросов дружинной верности, безусловно, занимают письменные. Ввиду обозначенной проблемы и понимания того обстоятельства, что дружинная организация в целом и специфическая дружинная верность как ее основная черта является универсальным международным феноменом, характерным для многих этнокультурных общностей, кажется вполне правомерным и перспективным использование скандинавских письменных источников для их сопоставления с древнерусскими и выявления общих закономерностей, позволяющих восполнить лакуны в наших представлениях о мотивации и логике поступков людей, входивших в состав древнерусской дружинной организации.

Феномен дружинной организации, рассматриваемый в рамках данной статьи, можно определить как своеобразное «братство по оружию», выполняющее в первую очередь военную функцию и скрепленное между собой и князем специфическими, сакральными

узами чести, верности и братства. В подобном ключе указанную проблему рассматривали А. Я. Гуревич [3, с. 158–179], И. Н. Данилевский [4, с. 109–125], отчасти И. Я. Фроянов [9, с. 138]. Также, в связи с вопросами древнерусской дружинной чести, нельзя не упомянуть труды Ю. М. Лотмана [5, с. 84–95].

Представляется вполне логичным, что дружинная верность – это феномен, корни которого уходят в период разложения родовых отношений и появления новых форм объединения людей, в данном случае, по профессиональному признаку. Коллектив воинов, составлявших ближайшее окружение вождя, в той или иной форме присутствовал почти во всех европейских культурах в период раннего средневековья. Безусловно, что в различных регионах отдельные черты данного феномена приобретали свою особую специфику. Тем не менее в основе подобного рода дружинных отношений должен был находиться сложный социокультурный комплекс, сочетающий в себе специфическое воинское отношение к оружию, сопутствующие этому разного рода ритуалы в тесной связи с феноменом дара и сакральными связями с окружающим миром. Данный воинский архетип был справедлив для большинства европейских культур (отдельные его черты и по сей день сохраняются в среде военных). Но здесь нужно сделать важное замечание – говорить о существовании некоего единого военного культурного кода справедливо лишь в области менталитета и духовной культуры.

Из-за упомянутой выше проблемы дефицита древнерусских источников привле-

чение дополнительных материалов представляется вполне логичной процедурой. И в этом плане сведения скандинавских источников могут быть особенно интересны. Доказательством этому может служить опыт использования И. Н. Данилевским наблюдений А. Я. Гуревича, основанных преимущественно на скандинавском материале в изучении отдельных социокультурных институтов Древней Руси (в том числе и дружины) [4, с. 118–119]. Также хотелось бы сослаться на мнение А. А. Хлевова, полагающего, что: «...Скандинавия для нас – своего рода увеличительное стекло, при аккуратном обращении позволяющее исследовать, в частности, дружинный быт и дружинную идеологию предшествующей поры с высокой степенью достоверности, “выпячивающее” тенденции, слабо различимые по ранним источникам».

Следует отметить, что в стадильно близких обществах Европы, переживающих тот же этап развития – в рамках так называемой Балтийской цивилизации, среди финских и балтских племен, на Руси, и возможно в Польше, – формировались сходные формы дружин. Причем скандинавские дружины были именно образцом для подражания – как наиболее эффективные в своем роде примеры» [10, с. 137].

Естественно, что скандинавские источники не смогут в полной мере заменить древнерусские, но в таком специфическом вопросе, как понимание логики поступков и раскрытие культурного кода члена дружинной организации, сведения, содержащиеся в них, могут оказаться очень полезными.

В рамках небольшой статьи невозможно провести всесторонний анализ и сопоставление скандинавских и древнерусских письменных источников, но тем не менее хотелось бы заострить внимание на нескольких основных моментах.

Во-первых, это вопросы, связанные с социокультурной ролью и значением оружия в дружинной среде. С функциональной точки зрения оружие – это основной «инструмент» воина, от качества которого напрямую зависела его жизнь и успех в бою. В эпоху, когда отсутствовало промышленное производство

вооружения, оружие любого профессионального воина несло отпечаток его личности, выраженный не только в каких-либо качественных характеристиках (тип, вид, размер, вес, модифицирование под индивидуальные физические и психологические потребности владельца), но и разного рода сакральных свойствах. Весьма показателен фрагмент из «Старшей Эдды», описывающий магическое действие, совершаемое над оружием:

«Руны победы, // коль ты к ней стремишься, – // вырежи их // на меча рукояти // и дважды пометь // именем Тюра!» [8, с. 110].

Владение качественным оружием и умение им пользоваться на высоком уровне резко противопоставляло дружинников остальным членам общества. Таким образом, тесная связь воина со своим оружием приводила к тому, что, с одной стороны, человек как бы «срастался» с оружием, наделяя его своими индивидуальными чертами, с другой – оружие начинало жить собственной жизнью, зачастую становясь проводником судьбы либо воли богов. Указанная черта особенно ярко проявляется в сочетании с феноменом клятвы, который тесно соприкасался с проблемой отношения дружинников к своему оружию. Как правило, проблему принесения клятвы верности вождю либо боевому товарищу рассматривают с точки зрения зарождения и развития разного рода форм вассально-ленных отношений. Но, на наш взгляд, этот вопрос несколько шире и не обязательно сводить его к четким, устойчивым ритуалам. Данный феномен мог быть выражен в самых разных ритуальных или вербальных формах, имеющих тем не менее одинаковый смысл.

Клятва верности, как одна из основ взаимоотношений между членами дружинной организации и вождем, хорошо прослеживается по скандинавским письменным источникам. Так, в одном из разделов «Младшей Эдды» однозначно говорится: «Коннунгов и ярлов сопровождают люди, называемые дружинниками и домашней стражей. Лендрманны тоже держат присягнувших им людей, которые зовутся в Дании и Швеции дружинниками, а в Норвегии – домашней стражей».

Они, как и дружинники конунгов, приносят клятву верности» [6, с. 88].

С древнерусскими источниками ситуация сложнее, и однозначные сообщения, указывающие на существование клятвы верности, особенно в дохристианскую эпоху, в них отсутствуют. Тем не менее большой интерес с точки зрения вопросов, связанных с феноменом клятвы и специфическим воинским отношением к оружию, представляет текст договора между Русью и Византией 945 г., содержащийся в Повести временных лет. В частности, там имеет место любопытный рефрен, в котором говорится, что клятвопреступники будут наказаны собственным оружием:

«...а елико ихъ не крещено есть, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не учитятся щиты своими, и да посьчени будут мечи своими, и от стрьль и от иного оружья своего, и да будут раби и в сий въкъ и будущий» [7, с. 98].

И далее:

«...А оже переступить се от страны нашея, или князь или инъ кто, или крещень или некръщень, да не имать от Бога помощи, и да будут рабы в сий въкъ и в будущий, и да за колень будеть своим оружемъ.

А некръщени русь да полагають щиты своя и мечи свои нагы, и обручи свои и прочая оружья, и да кльнутья о всем, и яже суть написана на харотье сей, и хранити от Игоря и от всехъ бояръ и от всьх людей и от страны Рускыя въ прочая льта и всегда.

Аще ли же кто от князь и от людей рускыхъ или крестьянъ, или некрещеный переступить все, еже написано на харотье сей, и будеть достоинъ своимъ оружемъ умрети, и да будет клять от Бога и от Перуна, и яко преступи свою клятву» [7, с. 102].

Мотив смерти от собственного оружия встречается в скандинавских источниках и выступает там как божественное наказание. В качестве примера можно привести цитату из «Старшей Эдды»: «Конунг Гейрред сидел, держа на коленях меч, наполовину обнаженный. Услышав, что Один тут, он встал, чтобы ограбить его от огня. Меч выскользнул у него рукоятью вниз. Конунг споткнулся и упал

ничком, а меч пронзил его, и он умер. Тогда Один исчез. Агнар же стал конунгом и долго правил» [8, с. 40].

Из данных примеров видно, что оружие выступало инструментом божественной воли и одним из основных гарантов выполнения условий клятвы. Представляется логичным, что смерть от собственного оружия для воинов была наиболее позорной и страшной. Таким образом, можно сделать вывод, что для дружинника оружие, помимо своих прямых функций, обладало сакральными свойствами и было нормативным социокультурным инструментом (в одном из своих проявлений – важнейшей составляющей феномена клятвы).

Еще одной важной составляющей дружинных отношений можно считать институт дарения. Причем здесь в качестве дара, помимо разного рода ценных предметов, вполне могло выступать и оружие. В скандинавских источниках мы находим множество указаний на существование подобного рода отношений как регулирующего механизма внутри дружинной среды.

«Старшая Эдда» рисует нам образы идеальных вождей, одним из главных достоинств которых выступает щедрость по отношению к дружинникам, усиливающая их братские узы:

«Начал расти // на радость друзьям // вяз благородный, // радости свет; // щедро давал он // верной дружине // жаркое золото, // кровью добытое» [8, с. 73–74].

Как уже отмечалось, среди даров, помимо золота, говорится также об оружии и иных предметах. Так, например, в «Речах Высокого» сказано:

«Оружье друзьям // и одежду дари – // то тешит их взоры; // друзей одаряя, // ты дружбу крепишь, // коль судьба благосклонна» [8, с. 19].

И в «Песне о Хюндле» говорится:

«Ратей Отца // попросим о милости! // Золото воинам // он раздает; // шлем дал // он Хермоду, // дал и кольчугу, // Сигмунду меч // разящий вручил он» [8, с. 164].

В древнерусских источниках сложно отыскать подобные яркие и однозначные примеры, характеризующие отношения, по-

строенные на дарении. Но в этом случае хотелось бы обратить внимание на примечательный эпизод, связанный с заключением перемирия между воеводой Претичем и печенежским князем 968 г. Особенностью данного события стал ритуал, зафиксированный в тексте летописи и выражающийся в обмене дарами:

«И рече князь печеньжский Претичу: “Буди ми другъ”. Онъ же рече: “Тако буди”. И подаста руку межю собою, и въдасть печеньжский князь Претичю конь, саблю, стрълы. Онъ же дасть ему брони, щить, мечъ» [7, с. 114–116].

В данном случае интерес для нас представляет не сам факт заключения перемирия, а личная связь между участниками действия. Учитывая акцент на слове «другъ» и сопутствующий обмен дарами, правомерно рассмотрение данного события именно в такой плоскости. К сожалению, невозможно проследить дальнейшее развитие и характер взаимоотношений между этими воинами, но интерпретация этого эпизода как ритуала, накладывающего на участников личные связи особого рода, представляется весьма логичной.

Еще один важный вопрос, непосредственно связанный с перспективами исследования скандинавских и древнерусских письменных источников – это связь «Слова о полку Игореве» со скальдической поэзией. Как отмечалось Д. М. Шарыпкиным: «Предположение, что “Слово” имеет нечто общее с сагами и поэзией скальдов, не доказано и не опровергнуто, между тем ученые указывали на важность этого вопроса» [11, с. 14]. Он также отмечает наличие представлений о специфической сакральной силе слова у различных культур: «Стихотворная импровизация в древности воспринималась как магический обряд, сопровождающийся мистическими преобразованиями. Об этом свидетельствуют исторические данные о древнейшей личной поэзии Запада и Востока, кельтов и скандинавов, индусов, иранцев и арабов. Поэзия эта отличается функциональным синкретизмом» [11, с. 17]. «Слово «скальд», возникшее до появления письменности (его первоначальное значение неясно), – среднего

рода, подобно другим словам, обозначавшим сверхъестественные существа. Скальдическое слово обладает магическим воздействием» [11, с. 17]. Шарыпкин отмечает схожесть «Слова» и скальдической поэзии, говоря, что «в поэзии скальдов встречаются довольно близкие лексические соответствия “Слову”. Например, Д. С. Лихачев, отметив, что слова “копия поют” “не совсем ясны по своему месту в общей поэтической композиции” памятника, предположил, что они “возможно, ... равносильны выражению “происходит война”, “идет бой”. Действительно, в скальдических драпах мечи и копыя “поют” и это значит: “идет битва”. Орлы и волки, в “Слове” представленные в достаточном количестве, выполняют функции, приличествующие им и в скальдических стихотворениях. Но все это, очевидно, образы, встречающиеся во всякой дружинной поэзии» [11, с. 22].

Схожие мысли о существовании неких единых европейских средневековых культурных архетипов можно встретить в работах С. Н. Азбелева, который отмечает, что «вследствие принципиального сходства наиболее общих черт военного быта и воинской идеологии на Руси и в других странах средневековой Европы там и тут существовала поэзия собственно воинская, продолжившая у нас традиции, унаследованные от X–XII столетий» [1, с. 116].

В специальном исследовании, посвященном сопоставлению «Слова» и традиций скальдической поэзии, Н. Ю. Бубнов отмечает: «вероятно, Гардарику – Русь XII в. – следует рассматривать как некую окраину скандинавского мира, где в иноязычном и инокультурном окружении – при дворах князей Рюриковичей – сохранялись островки скандинавской языческой культуры. ... Не исключено, что “Слово о полку Игореве” следует воспринимать как одно из последних сочинений “скальдического типа”, отразивших синтез двух великих культур дохристианского европейского мира» [2, с. 307].

Таким образом, дальнейшие исследования в этом направлении имеют широкие перспективы и научную ценность как сами по себе, так и в качестве одного из важнейших

доказательств существования в средневековой Европе единого военно-культурного архетипа, одной из важнейших составляющих которого как раз и была схожая дружинная поэтическая традиция, выполнявшая, в том числе, и сакральные функции.

Как мы видим из приведенных примеров, основными нормативно-регулирующими механизмами в дружинной среде (в том числе и древнерусской) были институты клятвы и обмена дарами, сквозь которые красной нитью проходило специфическое воинское отношение к оружию и комплекс сакральных связей,

им сопутствующий. Все это дает нам право рассматривать дружинную организацию как своеобразное «братство по оружию», со своими особыми представлениями о чести и верности. И здесь вырисовываются вполне очевидные направления для дальнейших исследований. В первую очередь это изучение всего комплекса древнерусских источников (а также и разного рода зарубежных, близких по географическому и хронологическому принципу) в обозначенной плоскости с целью выявления специфики дружинных отношений и сопутствующих им культурных норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азбелев С. Н.* Древнерусские героические сказания в международном контексте // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 115–122.
2. *Бубнов Н. Ю.* «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов. СПб.: Русская симфония, 2006. 416 с.
3. *Гуревич А. Я.* Походы викингов // Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 352 с.
4. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
5. *Лотман Ю. А.* Об оппозиции «честь» – «слава» в светских текстах киевского периода // О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство-СПб., 1997. 848 с.
6. Младшая Эдда / подготовка издания О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. СПб.: Наука, 2006. 144 с.
7. Повесть временных лет / подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова // Библиотека литературы древней Руси. СПб.: Наука, 2004. Т. 1. 544 с.
8. Старшая Эдда / пер. А. И. Корсуна, ред., вступ. ст. и ком. М. И. Стеблин-Каменского. СПб.: Наука, 2006. 264 с.
9. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 256 с.
10. *Хлевов А. А.* Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб.: Евразия, 2003. 336с.
11. *Шарыпкин Д. М.* Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. XXXI: «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. 404 с.